

1 2007

53 K2

Қазақ
прозасы
қазынасынан

Немат
КЕЛИМБЕТОВ

Не хочу терять
надежду

RARITY

R

PUBLISHING
COMPANY Ltd

Немат КЕЛИМБЕТОВ

**Не хочу терять
надежду**

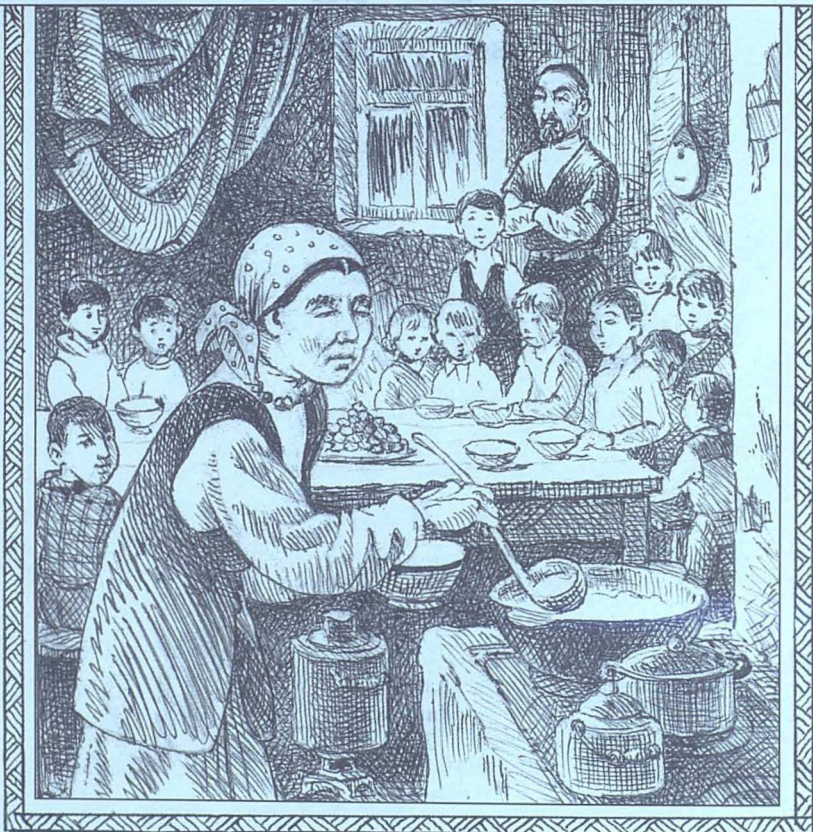
Повесть-монолог

•
Эссе

Алматы
«Раритет»
2006

ՀԱՅՐԱՊԵՏ ԿՐԹԱՆՆԵՐԻ
ԿՐԹՈՒՄ

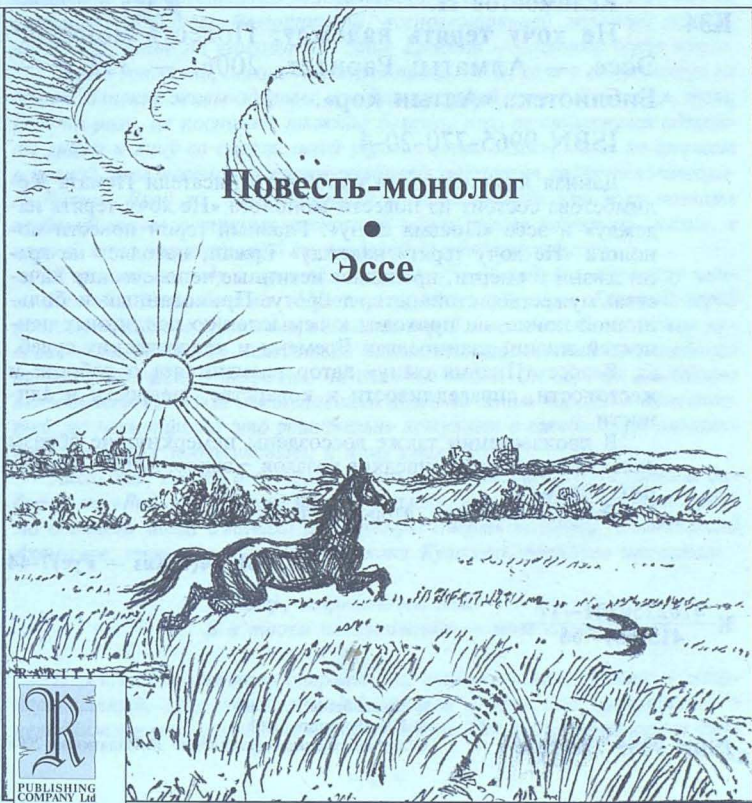
Қазақ
прозасы
қазынасынан

Немат
КЕЛИМБЕТОВ

Не хочу терять надежду

Повесть-монолог

●
Эссе

R
PUBLISHING
COMPANY Ltd

ББК 84(5Каз—Рус)7-44
К34

Выпущено по программе Министерства культуры
и информации Республики Казахстан

Серия выходит в свет с 2002 года

Автор проекта «Алтын қор» — *З. Сериккали*
Автор художественного оформления серии — *А. Тленшиев*

К34 **Келимбетов Н.**
Не хочу терять надежду: Повесть-монолог.
Эссе. — Алматы: Раритет, 2006. — 352 с. —
Библиотека «Алтын қор».

ISBN 9965-770-20-4

Данная книга-диалогия известного писателя Немата Келимбетова состоит из повести-монолог «Не хочу терять надежду» и эссе «Письма сыну». Главный герой повести-монолог «Не хочу терять надежду» Ержан, находясь на грани жизни и смерти, проявляет истинные человеческие качества: мужество, стойкость, доброту. Прикованный к больничной койке, он приходит к осмыслению подлинных ценностей жизни, взаимосвязи Времени и человеческих судеб.

В эссе «Письма сыну» автор размышляет о доброте и жестокости, справедливости и коварстве, щедрости и алчности.

В произведении также воссозданы немеркнувшие образы далеких героических предков казахов — саков, гуннов и древних тюрков.

Это дополненное, второе издание.

ББК 84(5 Каз — Рус)7-44

К 4702250201—17
413(05)—06

ISBN 9965-770-20-4

© Келимбетов Н., 2006

© ИК «Раритет», 2006

© Художественное оформление М.Палаткина, 2006

ПОЭМА О ГЕРОИЗМЕ И МУДРОСТИ (Вместо предисловия)

Глубокоуважаемый читатель!

Эту книгу в виде рукописи я прочел, не отрываясь, за один день. Скажу сразу — она меня потрясла. Не закрученным сюжетом и не сложными перипетиями судеб ее героев, а величием, негибамостью, чистотой и праведностью человеческого духа в отчаянной схватке со смертью. Потрясла безграничной, всепоглощающей жаждой жизни, ни на мгновение не угасавшей в душе Ержана — главного героя книги.

Что и говорить, жизнь кажется прекрасной, если у тебя ничего не болит, близкие живы-здоровы, а в делах полный успех! Думается, тот, кого ни разу не коснулась тяжкая болезнь, кто не столкнулся однажды лицом к лицу со смертельной угрозой своей жизни, тот не сможет в полной мере постичь и прочувствовать различные грани человеческого бытия. Вряд ли благополучный во всем человек способен познать глубокий смысл истинных ценностей нашей столь короткой жизни, в полной мере ощутить всю ее сладость и неповторимость.

К такому выводу я пришел, перелистнув последнюю страницу книги Немата Келимбетова «Не хочу терять надежду». Главный герой повести-монолога Ержан предстает перед читателями молодым человеком, перенесшим вследствие тяжелого заболевания сложнейшую нейрохирургическую операцию на спинном мозге. Он обречен на полную неподвижность из-за наступившего вслед за этим паралича конечностей, но несмотря на это решительно вступает в ежедневную отчаянную схватку с подступившей к нему смертью.

Аксакалы, говоря о тяжело больных, умирающих людях, иногда добавляют: «Видать, спинной мозг оборвался», потому что тяжелая травма спинного мозга означала неминуемую смерть человека. Знаменитый Ахан-сере, теряя своего любимого коня Кулагера, горестно причитал:

Кулагер, жеребеночек мой!

Я в твоём позвоночнике — мозг спинной...

Перенеся сложнейшую операцию на спинном мозге, Ержан — жизнерадостный, энергичный молодой человек в один миг превратился в неподвижное тело, прикованное к кровати. Однако навалившаяся беда

и невыносимые страдания не сломали Ержана, а лишь укрепили его волю и решимость бороться за свою жизнь вопреки сложившимся обстоятельствам.

Конечно, бывали дни, когда смерть, казалось, дышала ему в лицо, и тогда отчаяние и безысходность овладевали всем его существом. Но и в эти минуты он боялся не самой смерти, а того, что не сможет до конца выполнить свой гражданский долг перед страной, долг отца и мужа, долг перед родными и близкими, перед друзьями.

Убедительно и впечатляюще в книге говорится о том, как любящая и верная подруга жизни вырвала своего мужа из цепких когтей смерти. Но это стало возможным лишь благодаря удивительно сильному духу, упорству, мужеству и непреодолимому стремлению к жизни самого Ержана, приговоренного, казалось бы, судьбой к полной неподвижности и медленному угасанию.

Вот в этой великой победе над злым роком и заключен главный смысл замечательного произведения Н.Келимбетова, произведения, которое я бы назвал поэмой о мужестве и мудрости.

Книгу «Не хочу терять надежду», в которой правдиво отражены реальные события жизни самого автора, членов его семьи и окружения, можно смело назвать документальной прозой. Немату Келимбетовичу было всего тридцать пять, когда итогом перенесенной им нейрохирургической операции на спинном мозге стал паралич обеих рук и ног. С этого дня время для него потянулось мучительно долго, не оставляя видимых шансов на выздоровление. Но, объявив войну сковавшей его болезни, Немат всеми силами души и тела стал отгонять от себя смерть, одерживая одну победу за другой. Так, год за годом, минуло еще тридцать пять лет. Теперь Немату Келимбетову уже под семьдесят. Об этих годах, полных нескончаемых душевных и физических мук, очень хорошо сказал сам автор книги: «Это была жизнь, в которой я в одночасье лишился безоблачной, полной радостных свершений и надежд молодости, детского восторга маленьких сыновей, оседлавших отцовскую шею, безмерной радости от веселых прогулок с ними по городским паркам, наслаждения от босоногой пробежки по нежному бархату весеннего разнотравья, счастья полета на норовистом жеребце по бескрайней, манящей вдаль степи, упоительного — до пота, труда в поле с кетменем в руках, удовольствия одаривать знакомых молодок букетиками степных тюльпанов, всего того, что и называется Жизнью».

Должен отметить, что я уже читал ранее повесть-монолог «Не хочу терять надежду». Однако эссе «Письма сыну» представляет собой расширенный, дополненный и в значительной степени обновленный вариант прежнего издания. По сути «Письма сыну» являются логическим продолжением предыдущей книги. Обращаясь в письмах к своему сыну, находящемуся вдали от родного дома на обучении в зарубежном вузе, автор иллюстрирует многие свои мысли, высказанные в прежней книге, сюжетными зарисовками. В этих письмах немало ценного для нынешней молодежи с воспитательной и нравственной точек зрения. Кроме того, отдельное место в своих письмах писатель отводит и глубоким размышлениям о таких свойствах человеческого характера, как честность и коварство, щедрость и черствость, четкость и жестокость, скромность и высокомерие.

Немат Келимбетов не только известный в республике писатель, но и крупный ученый, посвятивший долгие годы своей жизни основательному исследованию древнего периода казахской литературы.

В своих многочисленных монографиях исследователь доказал, что истоки казахской литературы лежат в глубине веков, в древней кочевой цивилизации саков и гуннов. Таким образом, талантливый ученый и писатель Немат Келимбетов сделал достоянием просвещенной общественности ценнейшее духовное наследие наших предков — саков, гуннов и древних тюрков.

Благодаря его трудам вниманию заинтересованных читателей представлены научно обоснованные, богатым художественным языком изложенные уникальные литературные образцы далекого прошлого.

Этот увлекательный стиль отличает и эссе «Письма сыну». Читая эти «Письма...» и перед тобой раскрываются увлекательнейшие страницы героических старинных преданий. Одно из них гласит о батыре Алып Ер Тонга, защитившем двадцать семь веков назад народ Турана от иранских завоевателей. Также в книге повествуется о подвиге бесстрашного батыра Шу, отстоявшего родные земли Чуйской долины в кровопролитном бою с войском Ескендира Зулкарная, известного в истории как Александр Македонский. А вот захватывающий эпос о славных походах нашего великого предка Едия (Атилы), покорившего некогда всю Европу.

В «Письмах сыну» говорится и о таких народных сказаниях, как «Кок бори», «Ергенекон», «Культегин», где содержится немало интересного о жизни наших далеких сородичей — саков, гуннов и древних тюрков, которые поклонялись Тенгри — Светиле Неба — Солнцу, Земле, Воде и Матери Умай.

В своей книге автор также знакомит читателя с мудрыми высказываниями и заветами Коркыт-ата, особенно полезными для молодых умов. Кроме того, в ней можно встретить немало документальных сведений о крупнейших мыслителях и философах средневековья — Абу али Ибн Сине, Абу Райхан аль-Бируни, Абу Наср-аль-Фараби, Махмуде Кашгари, Жусупе Баласагуне, Коже Ахмете Яссауи, Бабыре, Хайдаре Дулати.

Подводя черту, хочу сказать, что в своем новом произведении Н. Келимбетов в оригинальной и увлекательной форме знакомит читателя со многими духовными сокровищами нашего народа, с уникальными образцами древнего периода казахской литературы, охватывая период от эпохи саков и гуннов до момента возникновения Казахского ханства.

Глубокоуважаемые читатели! В ваших руках — удивительная, уникальная книга, я бы сказал книга-гимн, воспевающая мощь человеческого духа и воли, силу настоящей любви, ни с чем не сравнимую и всепобеждающую жажду жизни! Но это и прекрасное познавательное произведение, пронизанное огромной любовью автора к своему народу, открывающее перед вами незабываемые страницы его истории, великих свершений далеких предков. Уверен, эта талантливая книга доставит вам немало приятных часов!

Азильхан НУРШАЙЫКОВ,
народный писатель Казахстана,
лауреат Государственной премии

Посвящаю моей супруге Куаныш

Я болел и ждал смерти.

Я умирал каждый день, но оставался в живых, чтобы снова и снова чувствовать боль.

Иногда мне казалось, что эта боль – единственное подтверждение моего существования.

Я падал в пропасти отчаяния и выкарабкивался, тлеющий огонек человеческой любви вел меня, и я не знал, куда...

Я боролся и терпел поражение за поражением, надежда покидала меня, но я не сдавался на милость сильного.

Потому что сильнее меня была только смерть...

В этот тягостный час рядом со мной была моя супруга Куаныш, которая стала прототипом Гаухар в данной повести.

Гаухар, милосердная Гаухар, ты не покинула меня, не отвернулась от меня.

Этот монолог я посвящаю тебе.

НЕ ХОЧУ ТЕРЯТЬ НАДЕЖДУ

Часть I

1

Вот уже более двух месяцев я лежу в этой больнице, как заживо погребенный в могиле. От жизни у меня остались только мысли. Они, как последняя ниточка, как мостик, соединяют меня с миром. Не сравнивай меня с птицей, попавшей в силки, Гаухар. Мое положение в тысячу раз хуже. У птицы есть крылья, они вынесут в небесный простор, если удастся вырваться из плена. А у меня нет крыльев, нет простора, и остается только слабая надежда, что все утрясется.

Но самое главное — у меня есть ты! Как я благодарен судьбе, что она подарила мне тебя! Если бы не было тебя, никакие мысли не смогли бы утешить меня. Мысли — спасительный мостик в жизнь. И этот мостик — путь к тебе.

Гаухар! Сегодня во всем огромном мире только ты понимаешь меня. Только ты меня слышишь, только тебе открыто мое истерзанное сердце. Но когда ты навещаешь меня после работы, и мы сидим в саду на больничной скамейке, я держусь отстраненно. Пытаюсь оставаться мужчиной. Я не хочу, чтобы ты жалела меня, ведь твоя жалость отличается от жалости всех остальных людей. Твое сердце истекает кровью, ты теряешь здоровье, силы, ты таешь, как воск. И я ста-

раюсь не показать, как мне тяжело, шучу и бодро на тебя поглядываю, но ты ведь и так все видишь и понимаешь.

О, проклятая болезнь! Почему она пришла именно ко мне? Какой враг сглазил нашу жизнь? За что нам, родная, такая участь?!

Я никогда не боялся боли, и не в боли здесь дело. Подлость этой болезни в том, что она сковала мое тело. Стократ тяжелее сознавать свое бессилие, чем просто страдать. Чувствовать себя живым трупом, неподвижной колодой. Ты знаешь меня, Гаухар. Ты никогда не считала меня слабаком. Тем обиднее, тем ужаснее сознавать, что каждый раз ты воочию убеждаешься: прежнего меня уже нет. А есть развалина, у которой от прежнего Ержана осталось только имя. Но, поверь, я не из тех, кто при малейшем дуновении ветра падает и поднимает вопль до небес. Меня, любимая, сломала не буря жизни, а черные думы, обступившие со всех сторон...

Единственная надежда, что ты, Гаухар, выдержишь, не покинешь меня, не сломаешься. Держись, милая! С твоей помощью я одолею проклятую болезнь, сохраню свою честь, свою жизнь. Только вместе мы удержимся. Пусть весь мир отвернется, вынеся мне окончательный приговор, — мне нет дела до этого мира, но если отвернешься ты, такого удара я не вынесу. Когда тебя долго нет, когда ты опаздываешь, я жду и беспокоюсь, как жеребенок, оставленный людьми на далеком жайлау. Как я боюсь, что ты не придешь больше никогда...

Гаухар! Во время болезни начинаешь понимать, как счастлив человек, не знавший телесных недугов. Какое это благо — быть живым, здоровым, бегать, веселиться. Но, с другой стороны, люди, не испытывавшие боли, многого лишены, многого не понимают, о многом не догадываются.

Я понял, Гаухар, что в каждом из нас таятся бездны нетронутых чувств, переживаний, порывов. И раскрываются они во время страданий, которые выпадают на человеческую долю. Сейчас я нахожусь во власти про-

будившихся сил, идущих из глубины моей души. А сколько бодрых, здоровых, веселых людей и не подозревают о существовании такого источника. Им это неведомо, Гаухар! Пусть я прикован к постели, но это не мешает мне размышлять, не мешает рассказывать тебе о моих переживаниях и ощущениях.

Будь я здоровым как прежде, мне бы это и в голову не пришло.

И вот, как говорится, «повезло».

Это, Гаухар, не черный юмор. Это, действительно, так. Я поднялся на новый уровень понимания всего, что происходит в мире. И скажу тебе откровенно, Гаухар: именно здесь, в больнице, а не в читальном зале научной библиотеки, я дошел до некоторых истин.

И подумал: не схожу ли с ума?

Если бы ты увидела меня вчера, ты была бы поражена, закручинилась бы: «О чем он думает?»

Я думал о тебе.

О детях.

О нашем будущем.

Это ведь естественно, правда?

Я признаюсь тебе: вчера меня мучила бессонница, мне долго не удавалось заснуть.

Я, Гаухар, сделал открытие. Жизнь — это река. И мы с тобой плыли по этой реке десять лет. Все у нас было в порядке. Работали, родили детей, дети росли... Мы радовались нашим радостям и переживали неудачи. Все у нас было как у всех. А Река Жизни текла. Она всегда течет. А ты, Гаухар, задумывалась, куда она течет? Куда она несет нас на своих могучих волнах? Честно скажу, я не задумывался. Плыдем, ну и плывем. Как все. Как тысячи, как миллионы людей. А ведь путники, идущие по степи, время от времени поднимаются на холмы и оглядываются, куда их привела дорога, сколько они прошли и сколько еще верст впереди. Так и нам, плывущим по Реке Жизни, следует иногда оглядываться назад и внимательно смотреть вперед. Ведь человек не щепка, ему небезразлично, куда его несут волны. Казалось бы, мысль-то не такая уж

сложная. Но это только на первый взгляд, дорогая Гаухар. Одно дело размышлять о Реке Жизни здоровому, краснощекому весельчаку, а другое — жалкой развалине, в какую сегодня превратился твой дорогой муж. Ты только подумай, Гаухар. Я лежу, приговоренный к неподвижности, а может, и к смерти. Да, да! И рассуждаю о каких-то заумных вещах.

Я нахожусь в отделении для очень тяжелых больных. Тут никакого секрета нет. Это — нейрохирургическая больница. Здесь делают самые трудные, самые опасные операции. Вторгаются в святую святых — в человеческий мозг.

А у меня болен спинной мозг.

Даже подумать страшно, не то, что подвергнуться такой операции. Вот тебе вскроют череп. Станут очищать мозг, как орех от скорлупы. Потом будут резать по живому, соединять клеточки, сращивать нервы... И ведь немало людей проходят через этот ад. Я сам каждый день вижу тех, кто вступает в схватку со смертью. Мне тоже предстоит выдержать такую схватку.

И когда я думаю об этом, становится страшно.

Но ты запомни, Гаухар! Ержан, твой муж, так легко не простится с жизнью.

Я буду бороться с этими мучениями, горькими думами, печальными предчувствиями.

Я не поддамся унынию.

Буду изо всех сил сопротивляться болезни, отчаянно цепляться за жизнь.

Я не из тех, кто опускает руки, сдается без борьбы.

Трусов я презираю.

Если уж пришла беда, то я достойно встречу ее.

Но страшнее всего — печальные мысли. Они овладевают мною, скручивают тело, и мир превращается в горошину...

Гаухар! Никогда раньше мне не хотелось увидеть тебя так, как сейчас. Я тоскую по твоим теплым глазам, по белой лебединой шее, по черным, как смоль, волосам. Я грущу по тебе. Еще давным-давно твой образ навсег-

да пленил меня. И сейчас он кружит мне голову, уносит в горячечном вихре.

Возможно, другим ты не представляешься такой неотразимой. Возможно, такая ты существуешь только в моей измученной фантазии. Но это не важно, потому что для меня ты самое дорогое существо на свете. Ты — мое чудесное сокровище.

Я знаю, милая, сейчас ты на работе. Тебе некогда предаваться праздным мыслям. С тех пор, как я в больнице, заботы о доме, о детях навалились на тебя.

Сегодня вечером, как всегда, ты пойдешь в детский сад, заберешь Кайрата. Из школы вернется Мухит. И вы втроем сядете ужинать...

Я сейчас лежу на кровати, не двигаясь, безучастный к миру, погруженный в свои мысли.

Но знаешь, Гаухар, сегодня я не та жалкая развалина, какой был вчера. Сегодня я словно цветок, напоенный влагой.

Спросишь, почему? А вот послушай.

Только мы начали обедать, как в палату вошли врачи. У меня упало сердце. Обычно они не совершают обход в обеденное время. Среди вошедших была профессор-нейрохирург, ты ее знаешь. Я сразу понял, что кому-то из нас троих в палате предстоит срочная операция.

Кому?

Почему они не говорят?

Еще недавно мы шутили между собой, смеялись. А увидели профессора — и все наше веселье мгновенно закончилось.

Мне не терпелось узнать, кого будут оперировать? Но я лежал неподвижно, боясь шелохнуться. Мои соседи тоже молчали. Никто не решался нарушить гнетущую тишину.

Но вот профессор стала перелистывать историю болезни. Неужели мою? В этот момент она показалась мне председателем суда, который спустя секунду вынесет мне суровый, не подлежащий обжалованию приговор.

Профессор повернулась в мою сторону.

Я старался уклониться от ее взгляда.

Но спасения не было.

Она произнесла мою фамилию. Потом быстро посмотрела прямо мне в глаза и сказала: «Завтра будем вас оперировать».

Когда она вышла из палаты, уводя с собой коллег, мои соседи одновременно выдохнули: «Ух!», словно опустили на землю тяжелые сумки. А я, как рыба, выброшенная на берег, ловил сухими губами воздух.

В ушах стоял страшный звон.

Что поделаешь?! В одно мгновение все изменилось в моей жизни. Я сник, сломался, как карандаш в тяжелой руке.

Только что палата была освещена полуденным солнцем, а теперь затянулась серым, погрузилась в какой-то душный сумрак. Сердце мое билось, рвалось наружу, предвещая беду.

Что со мной происходит?

Почему я так испугался?

А может, это не я, а только мое бедное сердце боится завтрашней операции?

Гаухар! Ты ведь знаешь нашего профессора. Она полная, немного сутулая, пожилая. Ее манеры, походка, голос, движения больше пристали бы мужчине, чем женщине. В клинике никто не обращается к ней по имени-отчеству, никто не говорит: «Елена Андреевна». Все называют ее просто «Профессор».

В отличие от других врачей, Елена Андреевна не жалеет больных. Она выкладывает все напрямик. Наверное, поэтому больные верят ей, не сомневаются в правильности ее диагнозов.

Профессор никогда не баловала тяжелобольных теплым обращением, особенно туго приходилось тем, кому сегодня-завтра предстояла операция. С ними она разговаривала, сурово нахмутив брови. Правда, потом, спустя время, я понял, что в такой манере общения заключался особый смысл.

Кому, скажи мне, понравится разговор, когда каждое слово вколачивается, словно гвоздь? Слова-гвозди звенят в ушах, не знаешь, куда спрятаться, начинаешь думать, а чем я заслужил этот недовольный, сердитый тон?

Но она поступает так осознанно.

Когда солдаты готовятся идти в смертельный бой, их нужно разозлить, растравить им душу. Для этого нужны особенные слова — зажигательные, воинственные, резкие. Перед битвой командир никогда не станет обращаться к солдатам: «Милые вы мои!» Нет! Грозным голосом он будет выкрикивать проклятия врагу. Он будет подстегивать бойцов, хлестать их словами, как разгоряченный всадник хлещет лошадь перед скачкой. Каждое командирское слово будет раскаленным клинком вонзаться в сердца бойцов. Праведный гнев командира передается им, и вот они уже готовы броситься в адское пекло.

Наша профессор тоже считала, что человек идет на операцию, как на смертный бой. Себя она ощущала командиром, ведущим бойцов в атаку. А мы, пациенты, естественно, обязаны беспрекословно выполнять ее приказы. Она часто повторяла: «Чтобы победить болезнь, вы должны сражаться за свою жизнь изо всех сил».

И вот, Гаухар, я начал исполнять ее приказы, внимать каждому движению ее нахмуренных бровей. Я так преуспел в этой науке, что теперь, увидев человека, могу безошибочно определить, о чем он думает. И не ошибусь. Вообще же, я пришел к выводу, что люди, не умеющие читать по лицам, — счастливейшие создания. Какой прок следить за потаенными движениями человеческой души, подобно вору высматривать чужое добро сквозь замочную скважину?

Но здесь в больнице прок в этом был.

Мы давно заметили, что редкие проявления профессорской симпатии относились как раз к тем больным, для кого положительный исход операции не представлялся очевидным. С ними она разговаривала доброже-

лательно, даже душевно. Помню, как-то в обеденное время она появилась в нашей палате, посмотрела на меня с теплотой, о чем-то спросила и улыбнулась.

Это показалось мне подозрительным. Что там подозрительным! Это насторожило и испугало меня.

Признаться, я испугался не столько операции, сколько неожиданного участия и жалости во взгляде профессора.

Конечно, известие об операции не было для меня новостью. Люди, входящие в дверь, над которой аршинными буквами написано «Нейрохирургия», знают о том, что им предстоит. И прежде чем переступить порог этой двери, они много дней и ночей раздумывают, ищут выход, страдают и отчаиваются, но, в конце концов, приходят сюда.

Потому что другого пути у них нет...

Сколько бравых джигитов теряются, превращаются в испуганных детей, стоит им только приблизиться к этой двери.

Мы все входим в нее со страхом.

Ты спросишь, почему?

По сравнению с другими направлениями медицины, имеющими многовековую историю и традиции, нейрохирургия еще сравнительно молодая наука. Она исследует нервные центры, управляющие телом человека. Эти центры таят немало секретов, пока еще недоступных ученым.

Однажды профессор сказала мне, смеясь: «Сейчас люди больше знают о космосе, чем о собственном позвоночнике». Получается, что никто, в том числе и знаменитый профессор, не может знать, кто из отправившихся на операционный стол останется в живых?

Люди, перешагнувшие порог «Нейрохирургии», с одной стороны, живут верой в науку, а с другой — готовятся к худшему.

Я — один из этих людей.

Невыносимо ощущать себя узником, приговоренным к смерти. Одно дело, ждать смерть через месяц-другой, и совсем иное — вдруг, неожиданно. Человек не так

боится операции, предстоящей через месяц или через год. Он утешает себя: «Есть еще время!» Приговоренные сооружают из оставшегося времени что-то вроде крепости и укрываются за ее призрачными стенами. Но когда человек слышит, что операция назначена на завтра, он похож на солдата в открытом поле. Со всех сторон летят пули, рвутся гранаты, а он совершенно незащищен.

Теперь и я услышал слово: «Завтра»...

Страх парализовал мое сознание. Я как будто оглох и ослеп.

Но вот черный занавес раздвинулся.

Почему я так испугался?

Чего я боюсь?

Операции?

Или смерти?

Что такое страх?

Вопросы вертелись у меня в голове, я не мог избавиться от них.

Я должен был найти ответ.

Что может быть лучше правды, высказанной прямо, честно? Наша профессор — замечательный специалист, талант от Бога. Многих безнадежно больных она вырвала из когтей смерти. Инвалиды, пролежавшие без движения много лет, выходили отсюда на своих ногах.

Однако человеческое ухо устроено так, что плохие известия доходят до него быстрее хороших. То, что люди выходят из больницы здоровыми, кажется привычным, обыденным. А вот если врачи не могут помочь и случается трагедия, известие об этом молниеносно разносится среди больных.

Вчера троим сделали операцию.

Одному не повезло...

Скончался на операционном столе.

Когда об этом стало известно, мы все были просто потрясены. Но после обеда немного успокоились, а к вечеру уже шутили, даже смеялись.

Когда в нашу палату неожиданно вошли врачи, мы сразу замолчали, вспомнили о джигите, который умер

на операционном столе. А профессор и не пыталась никого утешить. Она стояла перед нами, словно ангел смерти — Азраил.

Мысленно я упрекал ее, упустившую чужую жизнь, а она, пристально на меня посмотрев, сказала: «Завтра будем оперировать вас». Для меня это прозвучало как приговор: «Теперь твоя очередь». Врачи продолжили обход, а мы трое лежали, не желая смотреть друг другу в глаза.

Умерший вчера парень не выходил у меня из головы. Как жестоко иногда поступает судьба с человеком! Он был младше меня лет на десять, наверняка, не успел, как следует пожить. Конечно, человек и сто лет прожив, не скажет, что этого достаточно, но нет ничего печальнее безвременной смерти...

Соседи по палате сказали, что у этого парня была такая же болезнь, как у меня — эпиндимома, нарост на спинном мозге. У него была тяжелая форма: ноги, и руки не двигались.

...Сам-то я, как ты помнишь, начал хромать только полгода назад.

Ты повела меня к врачу.

Врач сказала: «Вы должны показаться профессору» — и назвала фамилию нейрохирурга.

И когда мы пришли к ней на прием, и она меня осмотрела, я спросил:

— Скажите, доктор, вы будете оперировать мою ногу?

— Нет, — резко ответила она.

— Как же так? Ведь нога болит.

— Нет! Дело не в ноге, дорогой! Дело, скорее всего, в позвоночнике, а точнее, в вашем спинном мозге... — Она положила руки мне на спину и стала медленно водить ими вдоль позвоночника. — Вот это — позвоночный столб, — говорила она, — на нем держится жизнь человека. Внутри столб полый, но не пустой. В позвоночном столбе лежат продольные волокна, в них и находится мозг. Вы понимаете? Спинной мозг состоит из миллиардов крошечных частичек. Каждый нерв тоньше волоса в десять тысяч раз, но играет в жизни

человека огромную роль. Если откажет один нерв, вы не сможете закрыть глаза. Откажет другой — перестанет двигаться нога, как в вашем случае. Внутри вашего позвоночника образовался нарост. Он придавил тот нерв, который управляет движениями ног. Поэтому нарост надо устранить.

— А как вы его устранили?

— Очень просто. Разрежем позвоночник, раскроем и устраним.

Что говорила профессор дальше, я уже не слышал и не понимал. В ушах гремели слова: «Разрежем, раскроем, устраним».

Я онемел, можно сказать, окаменел.

Кулагер, жеребеночек мой!

Я в твоём позвоночнике — мозг спинной...

Так горевал знаменитый Ахан-сере, когда погиб его друг-тулпар.

Спинной мозг — самое дорогое, самое сокровенное — у казахов называется жулун. Не зря старики, когда случилось с человеком несчастье, говорили: «Попал в жулун». Самое скверное проклятие в народе: «Да оборвется твой жулун!»

Гаухар! Только когда над человеком нависнет угроза смерти, можно выяснить, храбрец он или трус.

Страх породил во мне мучительные раздумья.

Сейчас я никому не верю.

Даже к тому, в чем я прежде не сомневался, я стал присматриваться с опаской.

Что происходит?

Может быть, страх превращает человека в мыслителя?..

Неужели только оказавшись в беде человек способен задуматься над этими вопросами?

Боюсь ли я завтрашной операции или не верю в ее добрый исход?

Один мудрец сказал: «Страх — ожидание беды, горя, несчастья, мучений, которые могут свалиться на нас

совершенно неожиданно». Иначе говоря, люди боятся лишиться своего счастья. Но что такое это самое счастье, о котором мы слышим всю жизнь с самого детства?

Самообман?

Воплощение мечты?

Но ведь мечта не одна, мечты неисчерпаемы...

Неужели счастлив лишь тот человек, который осуществил все свои мечты?

А так как всем им не суждено осуществиться, то, значит, нет и счастливых людей? Нет, не так...

Счастье не постоянная величина. И тот, кто счастлив сегодня, завтра может оказаться несчастным.

Итак, счастлив я или несчастлив?

До сегодняшнего дня эти мысли не приходили мне в голову. Все было как у всех. Сначала отец с мамой заботились обо мне. Нужды я не испытывал, горя не знал. Учился. Стал инженером-строителем. Делал карьеру. Создал семью. У нас светлый красивый дом. И ты, Гаухар, душа нашего дома. Радость переполняла меня, когда вечером я возвращался с работы, и сыновья бросались мне на шею. У меня немало хороших друзей, много родичей...

Но разве только об этом я мечтал? Естественно, нет! Были и другие мечты, может быть, и они когда-нибудь осуществятся.

Но для этого нужно выдержать завтрашнюю операцию, остаться живым.

Я боюсь, что лишусь тебя, сыновей, друзей, родичей.

Но если бы у меня всего этого не было, разве пошел бы я на завтрашнюю операцию так решительно, с таким мужеством?

Нет.

Но есть еще одна вещь, которая дороже всех названных.

Это — жизнь.

Я долго думал, ложиться ли мне на операцию, взвешивал все «за» и «против».